Натали Кузнец

БЫВШИЕ

В СЧЕТ ДОЛГА

Натали Кузнец

Бывшие. В счет долга

«Автор»
2026

Кузнец Н.

Бывшие. В счет долга / Н. Кузнец — «Автор», 2026

Пять лет назад я вышвырнула его из своей жизни со словами, что нищий студент мне не ровня. Руслан Соболев ушел, поклявшись себе, что никогда меня не простит. Он так и не узнал, что в тот вечер я продала собственное сердце, чтобы спасти его от тюрьмы.Сегодня он — безжалостный миллиардер, а моя семья разорена. Отец на грани тюремного срока, и единственный человек, который выкупил все наши долги, — мой бывший.Я пришла к нему просить о пощаде, но получила жестокий ультиматум. Контракт на полгода. Жизнь в его пентхаусе под тотальным контролем. В счет долга. Руслан уверен, что сможет сломать меня и наконец отомстить. Он не знает, что его ненависть держится на чужой лжи, а за его ледяной броней всё еще бьется сердце мужчины, которого я так и не смогла разлюбить.

© Кузнец Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Аня 5
Глава 2. Руслан 8
Глава 3. Аня 10
Глава 4. Руслан 12
Глава 5. Аня 14
Глава 6. Руслан 16
Глава 7. Аня 18
Глава 8. Руслан 20
Глава 9. Аня 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Натали Кузнец
Бывшие. В счет долга

Глава 1. Аня

Массивные двери из темного дуба казались вратами в преисподнюю. Я стояла перед ними, чувствуя, как мелко дрожат колени, а ладони становятся влажными от ледяного пота.

Секретарь в безупречном строгом костюме смерила меня оценивающим взглядом. В ее глазах читалось легкое, едва уловимое пренебрежение. Еще бы. Пять лет назад я бы зашла в эту приемную в туфлях от Jimmy Choo и с сумкой, которая стоит как ее годовая зарплата. А сейчас на мне была простая белая блузка из масс-маркета и строгая юбка, купленная на распродаже. От «золотой девочки» Анны Одинцовой не осталось ничего, кроме фамилии.

И эта фамилия прямо сейчас с треском шла ко дну.

Мой отец — банкрот. Все счета заморожены, имущество описано, а друзья семьи, которые раньше фальшиво улыбались нам на приемах, теперь даже не берут трубку. Но самое страшное даже не это. На отца завели уголовное дело. Миллиардные долги, которые внезапно, одним пакетом, скупил некий анонимный инвестор. Монополист. Человек, который теперь держал жизнь моего отца в своих руках. Если он не даст отсрочку, папу арестуют уже завтра утром.

— Проходите, Анна Викторовна, — сухо произнесла секретарь, нажимая кнопку на селекторе. Тяжелая створка мягко отъехала в сторону. — Вас ждут.

Я сделала глубокий вдох, пытаясь унять бешеный стук сердца, и шагнула в кабинет.

Помещение подавляло своей холодной, безжалостной роскошью. Панорамные окна во всю стену открывали вид на свинцовые тучи, нависшие над деловым центром Москвы. Черный мрамор, металл, темная кожа. Воздух здесь казался разреженным, пропитанным запахом дорогого парфюма и абсолютной, безоговорочной власти.

Хозяин кабинета стоял спиной ко мне, глядя в окно. Высокая, широкоплечая фигура в безупречно скроенном темно-сером костюме.

— Добрый день, — мой голос дрогнул, и я мысленно прокляла себя за эту слабость. — Спасибо, что согласились меня принять. Я понимаю, что положение моего отца...

— Ты всегда слишком много говорила, когда нервничала, Аня.

Слова, ударившие по ушам, заставили меня поперхнуться воздухом.

Низкий. Бархатный. С едва уловимой хрипотцой, которую я помнила наизусть. Которую я слышала в своих снах каждую чертову ночь на протяжении последних пяти лет.

Мужчина медленно обернулся.

Мир вокруг меня пошатнулся, пол ушел из-под ног. Я забыла, как дышать. В груди всё сжалось в такой болезненный, острый комок, что захотелось закричать, но из горла вырвался только сдавленный хрип.

Это был он. Руслан.

Руслан Соболев. Тот самый простой парень из бедной семьи, студент, который подрабатывал ночами на стройке и в автосервисе, чтобы сводить меня в кафе. Парень, которого я любила до сумасшествия. И парень, которому я пять лет назад вырвала сердце, глядя прямо в глаза.

Но передо мной стоял не тот открытый, искренний мальчишка. На меня смотрел хищник. Жесткий, властный, пропитанный опасностью мужчина. Его черты лица заострились, стали более грубыми и непреклонными, а на запястье тускло блестели швейцарские часы, стоящие

целое состояние. Но страшнее всего были его глаза. Раньше они смотрели на меня с нежностью и обожанием. Сейчас в них плескался только арктический холод и ледяное презрение.

— Р-руслан? — одними губами выдохнула я, судорожно вцепившись пальцами в ремешок своей дешевой сумочки. — Это... это ты выкупил долги отца?

Он неспешно подошел к массивному столу, не сводя с меня темного, давящего взгляда. Оперся о столешницу обеими руками.

— Неужели не рада встрече? — его губы изогнулись в жестокой усмешке, но глаза оставались мертвыми. — А мне казалось, Одинцовы всегда рады своим кредиторам.

— Как ты здесь оказался? Этот холдинг... он твой? — я всё еще не могла поверить в происходящее. Мозг отказывался сопоставлять парня из прошлого с этим пугающим миллиардером, который сейчас разрушал мою жизнь.

— Да, Аня. Он мой, — Руслан плавно обошел стол и остановился в двух шагах от меня. Я инстинктивно отшатнулась, вжавшись спиной в закрытую дверь. От него исходила такая мощная аура подавления, что мне физически не хватало кислорода. — Знаешь, что самое забавное? Пять лет назад ты стояла точно так же, смотрела на меня сверху вниз и сказала, что я — никто. Что я тебе не ровня, и у меня нет будущего в твоем идеальном мире. Помнишь этот разговор?

Я помнила. Каждое слово, сказанное тогда, было выжжено на моей подкорке кислотой. Я помнила, как плакала, сползая по стене, когда за ним закрылась дверь. Я помнила причину, по которой мне пришлось надеть маску бездушной стервы. Но я не могла произнести ни звука. Горло сдавило спазмом.

— Ты была права, — мягко, почти вкрадчиво продолжил Руслан, склоняясь ко мне. От запаха его парфюма — терпкого, с нотами кедра и табака — кружилась голова. — Я был никем. Но ты дала мне отличную мотивацию. Я пахал как проклятый. Выгрызал свое место. Уничтожал конкурентов и строил империю, пока твой папаша просаживал свои активы. И всё ради того, чтобы однажды настал этот день.

— Ты... ты всё это подстроил? — ужас ледяной волной прокатился по позвоночнику. — Ты обанкротил моего отца из мести?!

— Не переоценивай себя, Одинцова, — брезгливо отрезал он, выпрямляясь. — Твой отец сам привел свою компанию к краху из-за своей жадности и глупости. Я лишь... вовремя скупил его векселя. Все до единого.

Он подошел к бару, плеснул себе на дно стакана немного виски и сделал медленный глоток. Его движения были ленивыми, полными абсолютного превосходства.

— Завтра утром истекает срок по последнему платежу, — будничным тоном произнес Руслан. — Если деньги не поступят на счет моей компании, твой отец сядет. Статья о мошенничестве в особо крупных размерах. Лет десять с конфискацией. Возраст у него не тот, Аня. Боюсь, тюрьму он не переживет.

— Нет! — я бросилась к его столу, забыв про гордость, забыв про прошлое. Слезы отчаяния обожгли глаза, застилая зрение. — Руслан, пожалуйста! Умоляю тебя! Дай нам отсрочку! Мы всё продадим — квартиру, оставшиеся машины, я буду работать на трех работах, я отдам тебе всё до последней копейки! Пожалуйста, не губи его!

Руслан со стуком опустил стакан на стол. Его лицо исказила вспышка первобытной, неконтролируемой ярости.

— Ты пришла умолять меня? — он в один шаг оказался рядом, схватил меня за подбородок жесткими, стальными пальцами, заставляя поднять голову. Его хватка была болезненной. — Та самая гордая Анна Одинцова, которая брезговала моим обществом? Которая вышвырнула меня, как мусор?

— Мне очень жаль... — всхлипнула я, глядя в его безжалостные глаза. — Делай со мной что хочешь. Ненавидь меня. Но отец ни в чем не виноват. Умоляю, Руслан! Назови свою цену.

Его пальцы на моем подбородке чуть дрогнули. Во взгляде промелькнуло что-то темное, голодное и пугающее, заставившее меня внутренне сжаться.

— Мою цену? — хрипло переспросил он, склоняясь к самому моему лицу так близко, что я чувствовала жар его дыхания на своих губах. — Ты уверена, что готова ее заплатить?

Я судорожно кивнула, не смея отвести взгляд.

Руслан медленно отпустил мое лицо. Обошел меня и подошел к столу. Открыв верхний ящик, он достал оттуда плотную кожаную папку с документами и с глухим стуком бросил ее на полированную столешницу.

— Я ждал этого момента пять лет, Аня. И я возьму именно то, что хочу. Читать умеешь? Тогда знакомься со своими новыми обязанностями.

Глава 2. Руслан

Я смотрел на нее и чувствовал, как внутри, под слоями дорогого костюма и ледяного цинизма, просыпается давно забытый, почти животный голод. И глухая, пульсирующая ярость.

Пять гребаных лет.

Я представлял эту встречу тысячи раз. В обшарпанной съемной комнате, когда дописывал ночами курсовые на заказ. В первых душных офисах, когда по крупицам собирал свой капитал. На деловых приемах, где улыбался нужным людям, а сам думал лишь о том дне, когда Анна Одинцова приползет ко мне на коленях.

Я думал, что почувствую триумф, когда увижу ее сломленной.

Но вместо этого меня накрыло чем-то темным и удушливым. Она изменилась. Больше не было той надменной, сияющей девочки из высшего общества, которая смотрела на меня, как на забавную, но бесполезную игрушку. Дешевая юбка, помятая блузка, тени под глазами и бледная кожа. Она выглядела уставшей, измотанной. И от этого... еще более красивой. До скрежета зубов желанной.

Эта мысль бесила меня больше всего. Я ненавидел себя за то, что мое тело всё еще помнило ее прикосновения. За то, что один ее затравленный взгляд заставил мой пульс ускориться.

«Ты мне не ровня, Руслан. Ты никто. И всегда будешь никем».

Ее слова, сказанные пять лет назад, снова зазвенели в ушах, возвращая мне холодный рассудок. Нет, Одинцова. В эту игру больше не играем по твоим правилам. Теперь правила устанавливаю я.

Я смотрел, как она дрожит, глядя на папку на моем столе. В ее глазах плескался страх, смешанный с жалкой надеждой.

— Открывай, — скомандовал я, отступая на шаг и скрещивая руки на груди.

Аня вздрогнула, но подчинилась. Ее тонкие пальцы — куда делся идеальный французский маникюр? — потянулись к кожаной обложке. Она перевернула страницу, и ее взгляд заскользил по строчкам договора, который мои юристы составили еще месяц назад, когда я начал скупать долги ее отца.

Я не сводил с нее глаз, наблюдая, как краска окончательно исчезает с ее лица.

— Что... что это значит? — ее голос сорвался на жалкий шепот. Она подняла на меня огромные, полные ужаса глаза. — Руслан, я не понимаю. Здесь написано, что я должна...

— Стать моей собственностью, — жестко отчеканил я, не позволив ей закончить. — На полгода. Ровно шесть месяцев, Аня.

Я обошел стол и остановился вплотную к ней. Она вжалась бедрами в край столешницы, словно пытаясь отстраниться, но отступать было некуда.

— Давай я переведу юридический язык на доступный, — я наклонился, опершись руками по обе стороны от нее, блокируя любой путь к бегству. От нее пахло дешевым мылом, но сквозь него пробивался ее родной, сводящий меня с ума аромат. — Я списываю все долги твоего отца. До последней копейки. Завтра утром мои адвокаты отзывают иск, и уголовное дело закрывается за примирением сторон. Твой папаша остается на свободе, а банк не отбирает квартиру, в которой вы сейчас живете.

Аня судорожно сглотнула. Я видел, как бьется жилка на ее шее.

— А взамен... — мой голос упал до низкого, опасного шепота. — Взамен ты собираешь вещи и переезжаешь ко мне. В мой закрытый пентхаус. На мои условия. Ты будешь жить там, где я скажу, делать то, что я скажу. Ты забудешь о личной жизни, о встречах с друзьями и о своей мнимой гордости. На ближайшие полгода ты — моя тайная содержанка. Игрушка, которую я купил за долги твоего отца.

Ее грудь тяжело поднималась. В глазах блеснули слезы, но она упрямо сжала губы.

— Ты сошел с ума, — прошептала она с отвращением. — Ты хочешь сделать меня своей... шлюхой? Из мести? Руслан, это мерзко!

Слово резануло по слуху, но я лишь криво усмехнулся. Внутри меня всё кипело от ее сопротивления.

— Мерзко? — я поднял руку и провел тыльной стороной ладони по ее щеке. Она попыталась дернуться, но я жестко схватил ее за затылок, зафиксировав на месте. Мои пальцы зарылись в ее волосы. — Мерзко — это врать в лицо человеку, который готов был ради тебя сдохнуть. Мерзко — это вышвырнуть его, потому что на его счетах не было нулей. А это, Аня, — я кивнул на контракт, — это просто бизнес. Чистая коммерция. Ты же из семьи коммерсантов, должна понимать.

Я отпустил ее и резко отошел, чувствуя, как вены на руках вздулись от напряжения. Если бы я постоял рядом еще секунду, я бы сорвался и впился в ее губы прямо здесь, на этом чертовом столе.

— У тебя нет выбора, Одинцова, — я бросил на стол золотую ручку. — Либо ты ставишь здесь свою подпись, и вечером мой водитель забирает тебя с вещами. Либо ты разворачиваешься, уходишь, и завтра в шесть утра за твоим отцом приезжает наряд. Решай.

Она смотрела на ручку так, словно это была ядовитая змея. Я видел, как в ней ломается стержень. Как гордость, которой она так кичилась, рассыпается в пыль под тяжестью моей власти.

Это должно было принести мне удовлетворение. Я ждал этого момента пять лет. Но почему-то, глядя на то, как она дрожащими пальцами берет ручку, я чувствовал лишь глухую, всепоглощающую одержимость.

Я купил ее. И теперь она от меня никуда не денется.

Глава 3. Аня

Золотая ручка жгла пальцы, словно была раскалена добела. Я смотрела на свою фамилию, напечатанную внизу страницы, и чувствовала, как к горлу подступает тошнота.

— Руслан... — мой голос надломился. Я отчаянно цеплялась за последние крохи своей гордости. — Пожалуйста. Я могу работать на тебя. Бесплатно. Уборщицей, курьером, помощницей, кем угодно в твоей компании. Я отработаю этот долг, клянусь здоровьем. Только не так. Не заставляй меня...

— Отработаешь? — он усмехнулся так холодно, что по спине пробежал мороз. — Десять миллиардов, Аня? Боюсь, твоих навыков курьера не хватит даже на то, чтобы оплатить проценты. Мое условие не обсуждается. Подписывай, или уходи.

В этот момент в моей дешевой сумочке истерично зажужжал телефон. Я вздрогнула. На экране высветилось имя Виктора Степановича — адвоката моего отца.

Дрожащими пальцами я нажала кнопку ответа, не смея отвести взгляд от темных, давящих глаз Руслана.

— Анечка? — голос адвоката звучал глухо и обреченно. — Плохие новости. Я только что из прокуратуры. Если до утра иск не отзовут, завтра в шесть утра за Виктором придут. Ордер уже на подписи. Мне очень жаль, девочка. Мы сделали всё, что могли.

Телефон выскользнул из ослабевших пальцев и с глухим стуком упал на ковер.

Завтра в шесть утра.

Мой отец, с его больным сердцем, не выдержит и месяца в СИЗО. Это будет для него смертным приговором.

Я перевела взгляд на мужчину, который сейчас возвышался надо мной, упиваясь своей властью и моей беспомощностью. Он думает, что я эгоистичная дрянь. Он наслаждается своей местью, уверенный, что пять лет назад я растоптала его из-за денег и статуса.

Если бы он только знал...

Если бы он только знал, что тогда, пять лет назад, мой влиятельный отец грозился уничтожить его. Обещал подкинуть ему наркотики, сломать жизнь, сгноить в тюрьме простого студента, посмевшего прикоснуться к его «золотой девочке». Я разорвала наши отношения, я убила свою собственную душу, выставив себя меркантильным чудовищем, только ради того, чтобы Руслан мог жить и строить свое будущее.

И вот теперь это будущее, которое я ему подарила, стояло передо мной и хладнокровно уничтожало мою семью. Жизнь — невероятно жестокий сценарист.

Я должна спасти отца. Точно так же, как тогда спасла Руслана. Даже если для этого мне придется продать себя и окончательно сломать свою гордость.

Я склонилась над столом. Золотое перо коснулось бумаги. Одна секунда, судорожный росчерк дрожащей рукой — и моя подпись легла рядом с печатью его компании. Мой личный приговор.

Руслан плавно, словно хищник, удовлетворенный добычей, вытянул папку из-под моих рук.

— Правильный выбор, — сухо констатировал он, даже не глядя на меня. — Мой водитель будет у твоего подъезда ровно в восемь вечера. Без опозданий, Одинцова. Я не люблю ждать.

Я не помню, как доехала до своей крошечной съемной квартиры на окраине Москвы. Всё было как в густом тумане.

Захлопнув за собой хлипкую входную дверь, я медленно сползла по стене прямо на потертый линолеум. И только тогда позволила себе расплакаться. Слезы душили, вырывались из груди рваными, болезненными рыданиями. Я обхватила колени руками, раскачиваясь из стороны в сторону в пустой, холодной прихожей.

Свобода закончилась. Моя гордость официально куплена и принадлежит человеку, который меня ненавидит.

Спустя час, когда слезы иссякли, оставив после себя лишь звенящую, мертвую пустоту, я заставила себя подняться. Вытащила с антресолей старый чемодан.

Собирать было почти нечего. Пару джинсов, свитера, белье, несколько простых футболок. Я смотрела на свои скромные пожитки и понимала, что в его роскошном мире они будут смотреться жалко. Но мне было плевать. Я ехала туда не на праздник. Я ехала отбывать наказание.

Ровно в 19:55 под моими окнами бесшумно остановился черный тонированный Майбах.

Я застегнула молнию на чемодане, бросила последний взгляд на свою тесную, но такую безопасную квартирку, и шагнула за порог. Дверцы золотой клетки захлопнулись.

Глава 4. Руслан

Бесшумные двери персонального лифта разъехались в стороны, впуская ее в мой дом.

Я стоял в тени гостиной, опершись о барную стойку, и молча наблюдал. Полумрак двухуровневого пентхауса разрезали только огни ночной Москвы, льющиеся через панорамные окна.

Аня сделала неуверенный шаг на темный паркет. В одной руке она сжимала ручку потрепанного, дешевого чемодана, в котором, казалось, не поместилась бы и десятая часть ее прежнего гардероба. В другой — комкала ремешок сумки. На фоне безупречного, холодного минимализма моей квартиры она выглядела инородно. Слишком хрупкая. Слишком настоящая.

Пять лет назад я бы отдал всё, лишь бы она переступила порог моего дома. Сейчас она была здесь. Купленная. Принужденная. Моя.

— Поставь это здесь. Экономка разберет твои вещи завтра, — мой голос в тишине прозвучал резко, заставив ее вздрогнуть.

Я отделился от стойки и медленно вышел на свет. Я снял пиджак и галстук еще час назад, расстегнул верхние пуговицы рубашки, чувствуя, как кровь тяжелеет в венах от одного лишь понимания, что она теперь на моей территории.

Аня упрямо вздернула подбородок, отказываясь выпускать ручку чемодана. — Я сама разберу свои вещи. Мне не нужна прислуга.

— Привыкай, Одинцова, — я подошел ближе, засунув руки в карманы брюк, чтобы не поддаться искушению схватить ее прямо сейчас. — В моем доме есть правила. И раз уж ты теперь часть моего... имущества, мы проясним их на берегу.

Ее глаза вспыхнули. В них мелькнул тот самый знакомый, непокорный огонек, который я так любил в прошлом. И который сейчас бесил меня до зубовного скрежета.

— Я подписала контракт на погашение долга, Соболев. Я не вещь, — процедила она сквозь зубы.

— Ошибаешься, — я остановился в шаге от нее. — Именно вещь. Очень дорогая инвестиция, которая обошлась мне в миллиарды. И поэтому условия диктую я.

Она сглотнула, но взгляда не отвела. Я видел, как тяжело поднималась ее грудь под тонкой тканью блузки, и этот ритм сбивал мое дыхание.

— Правило первое, — жестко чеканя каждое слово, начал я. — Ты живешь здесь. Выходить за пределы пентхауса без моей охраны и моего личного разрешения запрещено. Правило второе: никаких друзей, подружек и особенно — никаких мужчин. Забудь о личных встречах. Твой телефон с этого момента прослушивается, а контакты фильтруются.

— Ты больной? — Аня задохнулась от возмущения, бросив чемодан. — Я не преступница, чтобы сидеть под домашним арестом! У меня есть работа!

— У тебя была работа, — спокойно парировал я. — Твои долги закрыты, твой отец на свободе. Твоя единственная работа на ближайшие полгода — быть доступной для меня. В любой день. В любой час. По первому моему требованию. Это и есть правило номер три. Абсолютное подчинение.

Я ждал, что она сломается. Заплачет, начнет умолять о пощаде или забьется в угол, как испуганная птица. Но Одинцова вдруг шагнула ко мне. Близко. Так непозволительно близко, что я уловил запах ее кожи.

— Я продала тебе свое время и свое тело, Руслан, — ее голос дрожал от сдерживаемой ярости, но в нем не было ни капли покорности. — Потому что ты загнал меня в угол. Ты можешь запереть меня здесь. Можешь запретить мне выходить. Но ты никогда не купишь мое уважение. И ты не заставишь меня подчиняться тебе мысленно. Для меня ты был и останешься жестоким, закомплексованным ублюдком, который просто отыгрывается на слабой женщине!

Воздух между нами мгновенно искрой вспыхнул от напряжения.

Ее дерзость, ее отчаянное сопротивление не просто злили меня. Они сносили мне крышу. Внутри сорвало какой-то первобытный, темный тормоз. В ту же секунду я выдернул руки из карманов, шагнул вперед и жестко впечатал ее спиной в стену рядом с лифтом.

Аня тихо вскрикнула, ее ладони инстинктивно уперлись в мою грудь, пытаясь оттолкнуть. Но я навалился на нее всем телом, прижимая так плотно, что между нами не осталось ни миллиметра свободного пространства.

— Закомплексованным ублюдком? — прорычал я, склоняясь к ее губам. Я перехватил ее запястья одной рукой и прижал их к стене над ее головой. — Ты слишком много болтаешь для той, кто только что стала моей содержанкой.

Она тяжело дышала, ее глаза были огромными, темными, полными паники и чего-то еще... того самого электричества, которое всегда искрило между нами. Я чувствовал, как колотится ее сердце, и мое собственное билось с ним в один, сумасшедший ритм.

Полумрак. Тишина квартиры. И эта невыносимая, обжигающая близость, которой я был лишен пять лет. Мой взгляд упал на ее приоткрытые, дрожащие губы. Вся моя холодная месть и расчетливый план в эту секунду летели к чертям. Я хотел только одного — уничтожить дистанцию.

Глава 5. Аня

Спальня, отведенная мне, была огромной, выдержанной в тех же бездушных серо-стальных тонах, что и весь пентхаус. Широкая кровать с шелковым постельным бельем казалась алтарем, на котором мне предстояло принести себя в жертву. Я сидела на самом краю, обхватив плечи руками, и вздрагивала от каждого звука.

Время тянулось невыносимо медленно. Я успела принять душ и переодеться в простую хлопковую пижаму, надеясь, что эта броня хоть как-то защитит меня. Наивная. В этом доме моя броня не стоила и ломаного гроша.

Дверь распахнулась без стука. Я резко вскочила на ноги, сердце ухнуло куда-то в желудок.

Руслан стоял на пороге. Он снял рубашку, оставшись в одних темных брюках, низко сидящих на бедрах. Свет из коридора очерчивал рельеф его мышц, широкие плечи и тугую линию пресса. Пять лет назад он был жилистым парнем, теперь же передо мной стоял сформировавшийся, опасный хищник.

Его темный взгляд медленно, почти осязаемо скользнул по моему телу, задерживаясь на испуганно вздыхающей груди.

— Чего ты ждешь, Одинцова? — его голос прозвучал низко, хрипло, вибрируя в тишине комнаты. — Ты забыла условия нашего контракта?

— Я... я думала, сегодня ты оставишь меня в покое, — мой голос дрогнул, выдавая панику с головой. — Первый день. Я устала.

Руслан медленно шагнул в комнату, закрыв за собой дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

— Устала? — он усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья. Только лед и застарелая обида. — Ты продала мне свое время. Каждую минуту. И если я хочу получить свое прямо сейчас — ты не имеешь права мне отказывать. Снимай это убожество.

Мои щеки вспыхнули от унижения и гнева. Гордость, которую я пыталась затолкать поглубже ради спасения отца, снова взбунтовалась.

— Я не шлюха по вызову, Соболев! — выплюнула я, отступая на шаг. — Я согласилась на сделку, но я не позволю тебе обращаться со мной как с грязью! Не смей прикасаться ко мне, пока не научишься хотя бы капле уважения!

— Уважения?! — рявкнул он. В мгновение ока Руслан преодолел разделяющее нас расстояние. Я даже не успела вскрикнуть, как его тяжелые руки сомкнулись на моих плечах, и он с силой впечатал меня в стену. Удар вышиб из легких весь воздух.

— Ты смеешь говорить мне об уважении после того, как вытерла об меня ноги? — прорычал он, склонившись так близко, что наши носы почти соприкоснулись. От него пахло дорогим виски, опасностью и терпким мужским желанием. — Ты — моя, Аня. Купленная со всеми потрохами. И я буду делать с тобой всё, что захочу.

— Ненавижу тебя... — прошипела я, отчаянно упираясь руками в его горячую, литую грудь, пытаясь оттолкнуть. — Ненавижу!

— Взаимно, Одинцова.

Его рот обрушился на мои губы. Это не было поцелуем, это было жестокое, собственническое клеймение. Вся та агрессия, боль и первобытная страсть, что копилась между нами годами, взорвалась в одну секунду.

Я забилась в его руках, пытаясь вырваться, сжала зубы, но Руслан грубо перехватил мои запястья одной рукой, прижав их к стене над моей головой, а второй рукой больно сжал мой подбородок, заставляя открыть рот. Его язык ворвался внутрь — властно, жадно, со вкусом алкоголя и темной, всепоглощающей жажды.

Я хотела сопротивляться. Боже, как я хотела остаться холодной! Но мое предавшее тело вспомнило его мгновенно. Низ живота стянуло сладким, тяжелым узлом. По позвоночнику ударил разряд тока. Из моего горла вместо гневного протеста вырвался тихий, сдавленный стон, и этот звук стал для него спусковым крючком.

Руслан оторвался от моих губ, тяжело и прерывисто дыша. Его глаза потемнели до черноты, превратившись в два бездонных омута.

— Твое тело честнее тебя, Аня, — хрипло выдохнул он, и его рука скользнула вниз, безжалостно разрывая тонкую ткань моей пижамы. Пуговицы с сухим треском отлетели в стороны.

Прохладный воздух комнаты коснулся моей разгоряченной кожи, но уже в следующую секунду я ощутила жар его больших, грубых ладоней. Руслан подхватил меня под бедра, заставляя обхватить его за талию ногами, и в несколько шагов пересек комнату, бросив меня на широкую кровать.

Он навис надо мной. Никакой нежности. Никаких прелюдий. Это была чистая, неприкрытая война за доминирование, в которой мы оба отчаянно нуждались.

Его губы обжигали мою шею, ключицы, спускаясь ниже, оставляя влажные, собственнические метки, которые завтра превратятся в синяки. Я выгибалась дугой, впиваясь ногтями в его спину, царапая кожу. Я ненавидела его за то, что он купил меня. И еще больше ненавидела себя за то, как сумасшедше, до искр перед глазами, я этого хотела.

Руслан рывком избавился от брюк. В полумраке его фигура казалась высеченной из мрамора. Он раздвинул мои колени, устраиваясь между ними, и его тяжелый, горячий взгляд пригвоздил меня к постели.

— Скажи это, — потребовал он, проводя большим пальцем по моим припухшим, искусанным губам. — Скажи, кому ты теперь принадлежишь.

— Пошел ты... — выдохнула я, глотая воздух.

Руслан хищно оскалился. Его руки скользнули под мои бедра, жестко приподнимая, и он вошел в меня — резко, глубоко, до самого предела.

Крик сорвался с моих губ, смешанный из боли от долгого воздержания и ослепительного, пронзающего удовольствия. Меня словно разорвало на части. Слезы брызнули из глаз, когда Руслан замер на секунду, давая мне привыкнуть к его невыносимому размеру, а затем начал двигаться.

Это было грубо. Животно. Он вбивался в меня с такой силой, словно хотел выбить из меня все воспоминания за последние пять лет. Словно пытался доказать себе и мне, что я принадлежу только ему. Я захлебывалась стонами, извиваясь под его весом. С каждым его толчком моя воля рассыпалась в пепел. Мои руки сами потянулись к нему, обвились вокруг широкой шеи, притягивая ближе.

— Моя, — хрипел он мне в губы, срываясь на бешеный ритм. — Ты только моя, Одинцова. Всегда была моей.

Я перестала думать. Перестала сопротивляться. Реальность сузилась до жара его тела, до пота на нашей коже, до его сбивчивого дыхания и того безумного, нарастающего напряжения внизу живота, которое грозило свести меня с ума.

Когда волна оргазма ударила по моим нервам, я закричала, выгибаясь навстречу его финальным, самым глубоким толчкам. Руслан глухо зарычал, впиваясь зубами в мое плечо, изливаясь внутри меня горячим потоком.

Мы лежали в тишине, нарушаемой лишь нашим хриплым дыханием. Тяжесть его тела прижимала меня к матрасу. Я закрыла глаза, чувствуя, как по вискам катятся горячие слезы.

Я спасла отца. Но этой ночью я поняла самую страшную правду: Руслан Соболев сломает меня. Не своей ненавистью. А тем, что я всё ещё любила его до потери пульса.

Глава 6. Руслан

Я проснулся задолго до будильника. В спальне стояла густая утренняя тишина, нарушаемая лишь тихим, размеренным дыханием женщины, лежащей на второй половине кровати. Моей кровати.

Свет от ночной Москвы уже сменился предрассветными сумерками, пробивающимися сквозь щели плотных штор. Я осторожно повернул голову. Аня спала, свернувшись в клубок и подтянув колени к груди. Край шелкового одеяла сполз, обнажая ее хрупкое плечо с отчетливо виднеющимся на бледной коже темным следом от моих губ.

В груди мгновенно, без спроса, вспыхнуло что-то горячее и до боли знакомое. Жгучая, удушливая нежность. Моя рука сама дернулась к ней — просто убрать прядь растрепанных темных волос с ее лица, коснуться щеки, прижать к себе это маленькое, упрямое тело и спрятать от всего мира.

Я замер, сжав пальцы в кулак с такой силой, что ногти впились в ладонь.

Какого черта я делаю?

Воспоминания о прошлой ночи обрушились на меня, заставив челюсти рефлекторно сжаться. Я планировал быть холодным. Я хотел показать ей ее место, хотел преподать урок, доказать, что теперь я здесь хозяин, а она — лишь бесправная игрушка, купленная за отцовские долги. А вместо этого... вместо этого я набросился на нее, как изголодавшийся зверь. Я потерял контроль. Стоило мне почувствовать вкус ее губ, стоило услышать ее стон, как весь мой ледяной расчет разлетелся вдребезги. Я брал ее жадно, до исступления, словно пытался заполнить ею зияющую дыру в своей груди.

Идиот. Одержимый, больной идиот.

Я резко откинул одеяло и встал с постели. Утренний холод квартиры немного остудил разгоряченную кровь.

«Ты мне не ровня, Руслан. Ты никто».

Ее голос из прошлого ударил по вискам, возвращая мне трезвость. Я не имею права забывать эти слова. Пять лет назад она выпотрошила меня и выбросила за ненадобностью. Она спала спокойно все эти годы, пока я рвал жилы, чтобы выжить и подняться. А теперь я чуть не потек от одного ее присутствия в моей постели.

Я направился в ванную. Ледяной душ смыл с моей кожи ее запах, возвращая мне броню безжалостного ублюдка. Когда я вернулся в спальню через полчаса, на мне был безупречный темный костюм, идеально сидящая рубашка и часы, стоимость которых превышала цену ее квартиры.

Аня всё ещё спала. Во сне ее лицо казалось безмятежным, почти детским, лишенным той колючей дерзости, с которой она смотрела на меня вчера.

Я подошел к прикроватной тумбочке со своей стороны, достал из бумажника безлимитную черную карту Centurion и бросил ее на гладкую стеклянную поверхность. Звук пластика показался мне слишком громким, но Аня даже не пошевелилась. Вытащив из внутреннего кармана пиджака ручку, я вырвал листок из блокнота и быстро набросал несколько строк.

"Приведи себя в порядок. Вчерашний спектакль с дешевыми шмотками меня не впечатлил. Купи себе нормальную одежду. Ты теперь моя содержанка, так что будь добра соответствовать статусу и не позорить меня своим внешним видом. Деньги можешь не экономить, для меня это копейки".

Я перечитал написанное. Холодно. Унизительно. В самую точку.

Положив записку рядом с картой, я в последний раз посмотрел на спящую девушку. Моя собственность. Просто дорогая инвестиция. Вещь, которую я купил, чтобы поиграться и сломать.

Я развернулся и вышел из спальни, ни разу не оглянувшись. Я убеждал себя в этом с каждым шагом по направлению к лифту. Но почему-то, когда двери кабины бесшумно закрылись за моей спиной, я почувствовал себя не победителем, а трусом, сбежавшим с поля боя.

Глава 7. Аня

Я проснулась от того, что огромная кровать показалась мне пугающе пустой.

Резко сев, я инстинктивно натянула шелковое одеяло до самого подбородка. Тело ломило, мышцы тянуло от непривычной, почти агрессивной близости, а на внутренней стороне бедер и ключицах горели темнеющие следы его пальцев и губ. Вчера я проиграла эту битву. Позволила страсти и тоске заглушить разум. Но утренний свет, льющийся сквозь панорамные окна, безжалостно расставил всё по своим местам.

Руслана в спальне не было. Зато на стеклянной прикроватной тумбочке лежал прямоугольник черного пластика и вырванный из блокнота лист.

Я потянулась за запиской. Знакомый, размашистый почерк резанул по глазам. *«Приведи себя в порядок. Вчерашний спектакль с дешевыми шмотками меня не впечатлил. Купи себе нормальную одежду. Ты теперь моя содержанка, так что будь добра соответствовать статусу... Деньги можешь не экономить».*

Горло сдавило от едкой, удушливой обиды. Он бил прицельно, точно зная, куда ударить, чтобы растоптать остатки моей гордости. Купленная вещь. Трофей. Содержанка, которую нужно нарядить в дорогие тряпки, чтобы не стыдно было смотреть.

Я скомкала записку в кулаке, до боли впиваясь ногтями в ладонь. Слезы обожгли глаза, но я зло смахнула их тыльной стороной ладони. Нет, Соболев. Пять лет назад я выжила после того, как собственными руками разрушила нашу любовь ради твоей безопасности. Я выживу и сейчас. Ты купил мой долг, но ты не купил меня.

Спустя полчаса, приняв ледяной душ, я вышла в гостиную. Навстречу мне тут же вынырнула женщина средних лет в строгой униформе.

— Доброе утро, Анна Викторовна, — сухо произнесла она. — Я Мария, экономка Руслана Тимуровича. Завтрак накрыт. Если позволите, я разберу ваши вещи и вызову стилиста, как распорядился...

— Спасибо, Мария, но в этом нет необходимости, — мой голос прозвучал на удивление твердо. — Я сама разберу свой чемодан. И стилист мне не нужен. Вы можете быть свободны на сегодня. Завтрак и ужин я тоже приготовлю сама.

Экономка удивленно вскинула брови, явно не привыкшая к тому, чтобы распоряжения ее босса оспаривались, но спорить не стала и бесшумно удалилась.

Оставшись одна, я начала бесцельно бродить по пентхаусу. Он был огромен, безупречен и абсолютно бездушен. Ни одной фотографии, ни одной личной вещи. Идеальная обложка глянцевого журнала.

Двери одной из комнат оказались приоткрыты. Кабинет. Массивный стол из темного дерева, кожаное кресло, ряды книг по экономике и инвестициям. Я сделала робкий шаг внутрь, чувствуя себя шпионкой. Мой взгляд скользнул по строгим полкам и внезапно зацепился за странный, совершенно инородный здесь предмет.

На нижней полке, за тяжелым хрустальным пресс-папье, лежало что-то маленькое и тусклое.

Я подошла ближе, и мое сердце пропустило удар. Дыхание перехватило.

Это был дешевый, потертый металлический брелок в виде смешного ретро-автомобиля со сломанным колесом. Мы выиграли его в парке аттракционов на нашем третьем свидании. Руслан тогда торжественно вручил его мне и пообещал, что однажды накопит на настоящую машину и увезет меня к океану. Пять лет назад, когда я со слезами собирала его вещи, чтобы выставить за дверь, этот брелок остался лежать на тумбочке в прихожей. Я думала, он выбросил его в тот же вечер.

Зачем безжалостный миллиардер, одержимый местью, хранит этот мусор в своем идеальном кабинете?

Пальцы дрогнули, когда я коснулась холодного металла. Внутри Руслана, под броней из цинизма и жестокости, всё еще жил тот парень, которого я любила. И это открытие дало мне силы.

Вечером я стояла на ультрасовременной кухне, нарезая чеснок и помидоры для спагетти. Я не притронулась к его черной карте. На мне были мои любимые, чуть потертые на коленях джинсы и простой объемный свитер бледно-голубого цвета. Волосы я собрала в небрежный пучок. Никакого макияжа. Никакого шелка и бриллиантов.

Щелчок входной двери раздался ровно в восемь.

Руслан вошел на кухню, на ходу ослабляя узел галстука. Он остановился на пороге, его тяжелый, темный взгляд мгновенно просканировал пространство: сковороду с шипящим соусом, мою старую одежду, и, наконец, черную карту Centurion, которая сиротливо лежала на барной стойке, подпирая солонку.

Его челюсти сжались. В глазах полыхнула темная, опасная искра.

— Я, кажется, оставил четкие распоряжения на утро, — его голос был обманчиво тихим, но от этого напряжения воздух на кухне стал густым, как смола.

Я отложила деревянную лопатку, вытерла руки о полотенце и обернулась к нему. Я заставила себя расправить плечи и посмотреть ему прямо в глаза, не отводя взгляда.

— Я видела твою записку, Руслан, — спокойно, без вызова, но с железобетонной твердостью ответила я. — И карту тоже видела. Спасибо за заботу, но я в ней не нуждаюсь.

— Ты забываешься, Одинцова, — он сделал медленный шаг ко мне, словно хищник, загоняющий жертву. — Ты здесь не гостья. Ты должна выглядеть так, как я скажу.

— Ты купил мой долг, чтобы спасти отца от тюрьмы, — я вскинула подбородок. — И по контракту я обязана жить здесь. Но ты не покупал мой вкус, мои привычки и мою личность. Я не стану твоей карманной куклой, Руслан. Я буду носить свою одежду. Я буду готовить себе сама. И если тебя не устраивает вид моих дешевых джинсов в твоем дорогом интерьере — тебе придется с этим смириться.

Он замер в метре от меня. Мы смотрели друг на друга, разделенные лишь кухонным островом и годами боли. В его глазах яростное возмущение моим бунтом мешалось с чем-то еще — диким, неконтролируемым, жадным. Он ждал, что я сломаюсь под тяжестью его денег. А я только что объявила ему войну.

Глава 8. Руслан

Конференц-зал гудел от голосов. На огромном экране проектора сменялись графики, показатели квартальной отчетности и цифры слияния активов, но перед моими глазами стояла совершенно другая картинка.

Джинсы с протертыми коленками. Голубой свитер, который подчеркивал ее хрупкие плечи. И этот ее упрямый, гордый взгляд, которым она встретила меня вчера вечером на кухне.

Я со злостью перевел взгляд на планшет, лежавший передо мной на полированном столе. На экране в режиме реального времени транслировалось видео с камер наблюдения пентхауса. В данный момент Аня сидела на диване в гостиной с книгой в руках. Уже два часа она не выпускала ее из поля зрения. Никуда не бегала, не пыталась дозвониться кому-то — хотя ее телефон был заблокирован по моему приказу, — просто читала.

Чертовы камеры. Я установил их, чтобы контролировать каждый ее шаг, чтобы чувствовать себя хозяином положения. Но вместо этого поймал себя на том, что пялюсь в экран каждые пять минут, как одержимый маньяк. Экран блокировки моего телефона пестрил отчетами начальника охраны: *«14:15 — объект выпил стакан воды», «14:40 — поднялась на второй этаж в гардеробную»*.

Меня трясло от этого контроля. Я ненавидел собственную слабость. Я хотел сломать ее, поставить на колени, заставить плакать и умолять, а вместо этого сам сидел на важном совещании с инвесторами и думал только о том, как она там одна в моих пустых стенах.

— ...Таким образом, покупка пакета акций строительного холдинга «Олимп» полностью закроет наши риски по северному округу, — голос Виктора, моего главного финансового директора, звучал монотонно, пробиваясь сквозь вату в моих ушах. — Проект перспективный, тем более что активы этого воришки Одинцова сейчас идут с молотка за бесценок. Грех не воспользоваться ситуацией, пока старик гниет под следствием.

Я резко поднял голову. Воздух в переговорной мгновенно стал свинцовым.

Виктор, не замечая моего взгляда, продолжал самодовольно улыбаться, перекладывая бумаги: — Поделом старому маразматику. Хотя, надо признать, дочка у него была та еще штучка. Светская львица, за которой половина Москвы бегала в надежде пристроить капиталы. Говорят, Анька Одинцова знала толк в развлечениях и меняла богатых ухажеров, как перчатки. Жаль, сейчас от ее былого лоска ничего не осталось — говорят, крутится теперь как может, чтобы хоть адвокатов оплатить. Интересно, во сколько обойдется ее благосклонность те...

Скрежет металла резанул по ушам.

Я встал из-за стола так резко, что массивное кожаное кресло с грохотом отлетело назад и рухнуло на пол.

В переговорной воцарилась мертвая, леденящая тишина. Все разговоры мгновенно оборвались. Десятки пар глаз — топ-менеджеры, юристы, инвесторы — в ужасе уставились на меня. Виктора перекосило, его улыбка сползла с лица, а сам он мелко задрожал под моим взглядом.

Я медленно обошел стол, чеканя каждый шаг. В ушах шумела кровь. Та самая животная, слепая ревность и ярость взорвались в груди ядерным взрывом. Какое-то ничтожное дерьмо в моем офисе смело распускать язык про *мою* женщину? Рассуждать о том, с кем она спала и какой у нее был статус?

Я подошел к Виктору вплотную, схватил его за воротник дорогой рубашки и рывком поднял со стула, впечатав спиной в панорамное окно. Стекло опасно затрещало под весом его тела.

— Р-руслан Тимурович... — задохнулся он, хватаясь моими руками за свои запястья. Его лицо побагровело от страха. — Я... я что-то не то сказал? Простите...

— Еще хоть раз, — мой голос упал до низкого, утробного хрипа, от которого у сидевших за столом замерло сердце, — еще хоть одно слово из твоего поганого рта вылетит в адрес Анны Одинцовой... я лично выкину тебя с этого сорокового этажа. Без парашюта. Ты меня понял?

— Д-да! Понял! Клянусь, понял! — заикался он, выпучив глаза.

Я резко оттолкнул его от себя. Виктор рухнул обратно на стул, судорожно хватая ртом воздух и поправляя съехавший галстук. Никто в комнате даже не смел вздохнуть.

Я окинул ледяным, убийственным взглядом притихших топ-менеджеров.

— Совещание окончено. Все свободны вон, — процедил я сквозь зубы.

Сотрудники не стали дожидаться второго приглашения. Они вскочили со своих мест и буквально выбежали из переговорной, устраивая давку у дверей. Через полминуты я остался в огромном зале один.

Я тяжело дышал, опираясь руками о стол. Внутри всё клокотало от ярости.

Какого черта? Я же хотел уничтожить ее. Я хотел растоптать ее гордость, отомстить за свое унижение пятилетней давности. Так почему же мысль о том, что кто-то другой смеет смотреть на нее или вспоминать ее прошлое, заставляет меня хотеть убивать?

Я схватил со стола пиджак и телефон. К черту бизнес. К черту отчеты. Меня тянуло в пентхаус с непреодолимой, пугающей силой. Я должен был увидеть ее. Убедиться, что она заперта там, в безопасности, и принадлежит только мне.

Глава 9. Аня

Я как раз заканчивала поливать цветы на широком подоконнике в гостиной, когда в прихожей звякнули ключи.

Странно. Обычно Руслан возвращался за полночь, выжатый после работы в офисе или закрытых деловых встреч. На часах не было еще и шести вечера.

Дверь в холл резко распахнулась. Соболев влетел в квартиру с такой сокрушительной энергией, словно за ним гналась стая волков. Он на ходу сдернул с шеи галстук, швырнув его на тумбочку, расстегнул верхние пуговицы рубашки и замер на пороге гостиной. Его грудь тяжело вздымалась, дыхание было сбитым, а во взгляде, устремленном на меня, плескалось такое темное, лихорадочное бешенство, что у меня по спине пробежал холодок.

Я инстинктивно отступила на шаг, сжав в руках пульверизатор.

— Ты почему не в торговом центре? — вместо приветствия прорычал он. Голос был хриплым, сорванным. Он медленно двинулся на меня, чеканя каждый шаг по паркету.

— Что? — я растерянно моргнула. — Какой торговый центр, Руслан? Ты о чем вообще?

— О карте, черт побери! — он взмахнул рукой в сторону кухни, где на барной стойке сиротливо лежала черная кредитка. — Я оставил ее тебе утром. Четко сказал: купить нормальную одежду, перестать позорить меня своим видом в моих же стенах! Прошло десять часов, а транзакций по счету ноль! Тебе что, доставляет удовольствие испытывать мое терпение, Одинцова?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.